Валентина Владимирова

Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

Текстовое многомирие художественного образа (на материале сопоставительного анализа произведений И. А. Гончарова «Обломов» и Г. Флобера «Госпожа Бовари»)

Задачами данного исследования являются сопоставительное описание текстового многомирия и изучение языковых средств, формирующих контуры многомирия главных героев и характеризующих миры героев в двух художественных произведениях И. А. Гончарова «Обломов» и Г. Флобера «Госпожа Бовари».

Методологическим принципом исследования является антропоцентризм как один из ведущих принципов современного языкознания, предполагающий изучение дискурса/текста в связи с человеком, его деятельностью в аспекте порождения (проблема адресанта/автора), восприятия и понимания (проблема адресата/читателя) текста и его воздействующего эффекта. Именно антропоцентрический подход позволяет наиболее полно раскрыть специфику многомирия персонажей в указанных дискурсах.

Следует отметить, что при рассмотрении понятия дискурс и отечественные, и французские исследователи часто опираются на концепцию М. М. Бахтина, согласно которой реальной единицей речевого общения является текст как высказывание, специфику которого составляют «два его полюса» – система языка и «неповторимое событие текста», «его смысл». Смысл же высказывания становится ясным только в коммуникативной ситуации, в процессе общения в определенной сфере (Бахтин 1979; Maingueneau 2002: 185-190). Большинство современных концепций дискурса (прежде всего зарубежных) в своих построениях исходит из понятия текста, который, по словам Ф. Растье, является «истинным объектом лингвистики» (Rastier 1989): «... несмотря на авторитет грамматической традиции, всё располагает к тому, чтобы объектом исследования в лингвистике стали тексты» (Rastier 2001: 13). Художественный текст как особый вид текста – это «и феномен действительности, и способ отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка» (Белянин 2000: 8). Художественный текст функционирует в качестве определенной единицы коммуникации между автором и читателем. Такого рода «художественная коммуникация» (термин Е. Г. Самарской), где общение осуществляется посредством художественного произведения, наиболее ярко раскрывает представленные здесь личности, а именно: личность его создателя (автора) и личности персонажей, которые тесно связаны между собой общим замыслом автора (Самарская 2008: 24–29).

Особенностью художественного текста является его многомерность. Данная характеристика очевиднее всего проявляется в том, что созданные автором персонажи присутствуют в произведении не номинально, а обязательно действуют, совершают поступки, то есть существуют в своём времени и в своём пространстве. И автор имеет возможность представить любой персонаж «как личность во всём богатстве своего внутреннего мира» (Карасик 2000: 6), во всём разнообразии его отношений с другими персонажами.

Для представления в художественном произведении картины мира отечественные учёные Н. С. Новикова и Н. В. Черемисина вводят понятие «многомирие». Авторы выделяют множество «возможных миров», соответствующих тем или иным стереотипным ситуациям, являющимся минимальными ситуативно-языковыми микромирами (Новикова, Черемисина 1996; 2000). Исследуя особенности многомирия персонажей в художественных произведениях, С. А. Пушмина рассматривает это понятие как систему, представленную в виде внешнего художественного мира и внутренних миров героев. Внешние миры — это миры, во времени и пространстве которых существует герой. Им противопоставлены и в то же время с ними взаимосвязаны внутренние миры персонажей. Под внутренними мирами понимается отражение в сознании персонажа сферы чувств, рациональности, подходов, мнений персонажа, его отношение к другим героям, эмоции, чувства, переживания, оценки и ценности реального для героя мира (Пушмина 2009: 46–48).

С этой точки зрения представляет интерес сравнительный анализ контуров многомирия персонажей, воссоздаваемых французским писателем Г. Флобером в романе «Госпожа Бовари» — Шарля Бовари и русским писателем И. А. Гончаровым в романе «Обломов» — Ильи Ильича Обломова. Обломов — дворянин родом, коллежский секретарь чином, безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге на доходы, получаемые с крепостного имения. Шарль Бовари — местный недоучившийся лекарь.

Для «вхождения» в текстовые миры героев своих произведений писатели используют различные языковые средства, создавая особые *структуры* лингвистического описания самих миров, которые формируют многомирие персонажей. Внешние границы многомирия соответствуют совокупности внешних миров героев, а их внутреннее пространство соотносится с их внутренним миром, при этом внешние и внутренние миры каждого из героев имеют свои точки соприкосновения, что подтверждает их взаимосвязь, взаимозависимость и взаимообусловленность.

И. А. Гончаров нашёл оригинальный способ изображения своего героя через детали и предметы, наименования которых выступают дейктическими

маркерами в описании внутренних и внешних миров И. И. Обломова. Предметы становятся знаковыми для описания его характера и его образа жизни. так как у Обломова нет ни поступков, ни дела, где бы он мог проявить себя. Он мыслит, переживает, чувствует образами окружающего его предметного мира. Воспроизведение одного лишь дня его жизни в целом обнаруживает его сложившийся характер, даёт историю всей жизни и в концентрированном виде раскрывает общий её смысл. Основным параметром «вхождения» во внутренний мир Обломова выступает знакомство с ним в его комнате. По сути, его жизнь ограничена пределами этой комнаты, где Обломов «... лежал утром в постели» (Гончаров 1998: 6). Автор полчеркивает: «Лежание у Ильи Ильича не было ни необходимостью, ...ни случайностью, ...это было его нормальным состоянием» (Гончаров 1998: 7). Обломов не любил треволнений, нарушающих привычный уклад жизни: «Вся тревога разрешалась вздохом и замирала в апатии или в дремоте» (Гончаров 1998: 8). Однако, проснувшись окончательно, он бывал чем-то сильно озабочен: «Видно было, что его одолевала внутренняя борьба, а ум ещё не являлся на помощь» (Гончаров 1998: 9). Внутренний, казалось бы, уравновещенный мир вдруг пошатнулся: «Илья Ильич никоим образом не хотел изменить свой привычный жизненный порядок, он хотел лежать на диване в халате и ни о чём не думать» (Гончаров 1998: 9). Описывая внешность Обломова, писатель ироническими набросками подчёркивает его характер, внутреннюю удовлетворенность, леность и нежелание что-либо изменить или переделать: «... это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с тёмно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определённой идеи. ... Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всём лице теплился ровный свет беспечности» (Гончаров 1998: 60). «Страницы, на которых развёрнуты были книги, покрылись пылью и пожелтели» (Гончаров 1998: 8).

Ирония, яркие метафоры и дейктические маркеры (леность, нежелание что-либо изменить, мысль порхала в глазах и др.) четко отражают спокойный внутренний мир Ильи Ильича. Гончаров обращает особое внимание читателя именно на внутренний мир героя, его психологическое состояние, своеобразие характера и его взаимодействие с окружающим внешним миром. Внешний мир чужд ему, и он всячески ищет пути быть дальше от него и «завернуться в халат». Постоянное неприятие внешнего мира раздражают его: полученное письмо, слуга Захар, неожиданные гости, интерьер. Обломов «смотрел на убранство своего кабинета так холодно и рассеянно, как будто спрашивал глазами: «Кто сюда натащил и наставил всё это?» (Гончаров 1998: 8).

Внешний мир Обломова подробно описан в виде ярких микроблоков о действующих лицах, появляющихся один за другим как на сцене театра, т.е. в комнате Ильи Ильича. Описание помогает наглядно изобразить многоми-

рие героя, его отношение с действующими лицами (гостями). Его душевное состояние меняется с появлением того или иного гостя Такие лейктические маркеры, как: раздробляется и рассыпается, пустые желания, когда же спатьто – отражают смятение, нарушение спокойного внутреннего мира, у него нет желания общаться с другими людьми, на его взгляд, с посторонними. Они выволят его из равновесия: «Им надо было платить взаимностью, принимать участие в том, что их интересовало. Они купались в людской толпе: всякий понимал жизнь по-своему, как не хотел понимать её Обломов, а они путали в неё и его: всё это не нравилось ему, отталкивало его, было ему не по душе» (Гончаров 1998: 42). «В тесной толпе ему было лушно» (Гончаров 1998: 30). Общаясь с Волковым, он думал: «Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается? (Гончаров 1998: 21). «Несчастный!» – заключил он, перевёртываясь на спину и радуясь, что нет у него таких пустых желаний и мыслей, что он не мыкается, а лежит вот тут, сохраняя своё человеческое достоинство и свой покой (Гончаров 1998: 22). Он не понимал Пенкина: «Ночью писать, – думал Обломов, – когда же спать-то?» (Гончаров 1998: 30).

Автор передаёт душевное самочувствие героя и через его физическое состояние. Обломов вертится на диване: «Порой он терялся в приливе житейских забот, лежал, ворочаясь с боку на бок, временами слышались его отрывистые восклицания: "Ах, боже мой! Трогает жизнь, везде трогает"» (Гончаров 1998: 17). Используя метафору «в приливе житейских забот», Гончаров отражает «беспокойный» внутренний мир Обломова. И как бы желая спрятаться от этой беспокойной жизни, он кутался в халат или завёртывался в одеяло совсем с головой. Физическое состояние показано и при объяснении с Ольгой: его «руки и ноги похолодели», «он упал духом», «внутри него уже разыгрывалась лёгкая лихорадка» (Гончаров 1998: 72).

Что касается героя романа Флобера Шарля Бовари, то читатель знакомится с ним в момент его поступления в школу. Представляя его, автор вводит читателя в «первый» мир героя, когда происходит соприкосновение (контакт) его внутреннего мира с внешним: «... le nouveau était un gars de la campagne, d'une quinzaine d'années environ, et plus haut de taille qu'aucun de nous tous. Il avait les cheveux coupés droit sur le front comme un chantre de village, l'air raisonnable et fort embarrassé.» (Flaubert 1974: 31)

Характеризуя учёбу Шарля, Флобер подчёркивает, что внешне он вёл себя, как и полагается в школе: «C'était un garçon de tempérament modéré, qui jouait aux récréations, travaillait à l'étude; écoutait en classe, dormant bien au dortoir, mangeant bien au réfectoire» (Flaubert 1974: 38). И такое поведение Шарля указывает на то, что его внутренний мир находится пока в равновесии с окружающим миром. Однако в пространстве внешнего мира Шарль не чувствует себя спокойно: «On commença la récitation des leçons. Il les écouta de toutes ses oreilles, attentif comme au sermon n'osant même croiser les cuisses ni s'appuyer sur le coude, et, à deux heures, quand la cloche sonna, le

maître d'études fut obligé de l'avertir pour qu'il se mît avec nous dans les rangs» (Flaubert 1974: 31). Казалось бы, автор только описывает «обычную» ситуацию его учёбы в колледже. Но это уже другой мир юноши, мир, входящий в коллизию с внешним миром. Учёба не удалась, и спустя полгода родители отправили Шарля в Руанский колледж. Они считали, что обучение медицине будет для него более полезным и более необходимым для жизни. Однако и в этой будущей профессии он также не преуспел: «...il avait beau écouter, il ne saisissait pas. Îl accomplissait sa petite tâche quotidienne à la manière du cheval de manège, qui tourne en place les veux bandés, ignorant de la besogne qu'il broie» (Flaubert 1974: 40). Сравнение с лошадью указывает на отсутствие интереса к учёбе, и это порождает пропасть между его внутренним состоянием и внешним миром, требовавшим приложения определенных умственных усилий, с которыми не справлялся его скудный, ограниченный внутренний мир. Кабаре его увлекали больше, чем занятия: «Il prit l'habitude du cabaret... Il lui semblait un acte précieux de sa liberté qui le rehaussait d'estime vis-à-vis de lui-même. C'était comme... l'accès des plasirs défendus» (Flaubert 1974: 41). И это уже другой внутренний мир героя, мир удовольствия и увлечений.

После учёбы медицине Шарль стал лекарем-недоучкой, который ничего не умел, ничего не знал и ничего не хотел: «Il n'enseignait rien, ne savait rien, ne souhaitait rien» (Flaubert 1974: 81). Этой фразой автор показывает пустоту внутреннего мира Шарля. «Sa conversation était plate comme un trottoir de rue, et les idées de tout le monde y défilaient, dans leur costume ordinaire, sans exciter d'émotion, de rire ou de rêverie» (Flaubert 1974: 81). Но сам он был доволен собой: он был спокоен и невозмутим, его внутренний и внешний миры были в равновесии.

Что же касается Ильи Обломова, то автор представляет его читателю уже взрослым человеком с собственным видением и отношением к окружающим и миру. О детстве писатель говорит мало, но из текста уже виден характер героя: «Между тем он учился, как и другие, как все, то есть до пятнадцати лет в пансионе» (Гончаров 1998: 96). В Москве он «волей-неволей проследил курс наук» (Гончаров 1998: 96). Учёбу Обломов считал наказанием. «Он по необходимости сидел в классе прямо, слушал, что говорили учителя, потому что другого ничего делать было нельзя, и с трудом, с потом, со вздохами выучивал задаваемые ему уроки... Серьезное чтение утомляло его» (Гончаров 1998: 62).

Используя *дейктические маркеры* (с трудом, с по́том, со вздохами), автор указывает на нежелание героя соприкасаться с внешним миром: «Странно подействовало ученье на Илью Ильича: у него между наукой и жизнью лежала целая бездна, которой он не пытался перейти. Жизнь у него была сама по себе, а наука сама по себе» (Гончаров 1998: 64). Благодаря метафоре *бездна* И. А. Гончаров подчёркивает, насколько Илья далёк от желания учиться, постигать науки. С помощью антитезы *жизнь* — *наука* показаны

разнонаправленные жизненные устремления Обломова. Его желание уйти от этого внешнего мира, спрятаться в свою скорлупу, свой внутренний мир свидетельствует о его коллизии с чужим для него внешним миром. «Мыслителям не удалось расшевелить в нём жажду к умозрительным истинам» (Гончаров 1998: 63), и в этом видна яркая ирония автора, которая говорит о духовной бедности внутреннего мира Обломова.

Сравнивая годы учёбы Ильи Ильича и Шарля, можно увидеть в них общее: и тот, и другой не отличались желанием учиться. Используя меткие, колкие, иронические маркеры, Гончаров и Флобер отмечают скудный внутренний мир своих героев, но это их мир, и герои, согласно антропоцентрическому принципу, находятся в центре, ибо «человек, как сказал Протагор, есть мера всех вещей».

Некоторые изменения произошли в жизни Обломова после встречи с Ольгой. Влюблённость в Ольгу обнаруживает в нём способность к возрождению, даже к женитьбе, т.е. к переменам. Но вдруг, испугавшись перемен, отказывается от этой мысли. Он не смог измениться: его внутренний и внешний миры оказались несовместимыми. Его нерешительность, неспособность самостоятельно принимать решения порождают внутреннее недовольство, прежде всего, собой и становятся причиной нарастающего внутреннего раздвоения. Его внутренний мир разрывается от желания снова войти в свой привычный обломовский быт, быть с Агафьей. Именно там он в ладу со своим внутренним миром, именно в нём он видит для себя чтото родное и успокаивающее. Его внутренний и внешний миры постоянно находятся в противоречии друг с другом. От того что Обломов не хотел никаких изменений в жизни, никакого нарушения внутреннего покоя, любовь к Ольге была для него непосильной ношей: «Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки – это у него были синонимы; другая – из покоя и мирного веселья» (Гончаров 1998: 56). И «...он уже лежит, глядя апатически в потолок, и книга лежит подле него недочитанная, непонятая» (Гончаров 1998: 61). В Обломове комическое сливается с трагическим, беспечность - с внутренними мучениями и борьбой. Однако неизменно торжествующее начало в его внутреннем мире – прикованность этого мира к обиходу его повседневной жизни.

Освещая чувства, мысли с образами внешнего мира, которые являются как бы образом-эквивалентом внутреннего состояния героя, Гончаров показывает своеобразие метода воспроизведения внутреннего мира героя. Даже в минуту счастья, любви Обломов вдруг погружался в анализ своей жизни, и счастье было отравлено: «Отрава подействовала сильно и быстро. Он пробежал мысленно всю свою жизнь: в сотый раз раскаяние и позднее сожаление о минувшем подступило к сердцу». Он с радостью погрузился в свой умиротворённый внутренний мир: «...он тихо и постепенно укладывался в простой и широкий гроб остального своего существования, сделан-

ный собственными руками, как старцы пустынные, которые, отворотясь от жизни, копают себе могилу» (Гончаров 1998: 285).

В жизни Шарля Бовари также наступают изменения: влюбленность. Его внутренний мир становится другим, это мир удовольствия, мир благоухания: «Il était donc heureux et sans souci de rien au monde. ... la vue de son chapeau de paille et bien d'autres choses où Charles n'avait jamais soupconné de plaisir, composaient la continuité de son bonheur» (Flaubert 1974: 70). On женится на Эмме, и его внутренний мир в ладу с внешним миром. Жизнь входит в привычную колею. Прежняя пылкость Шарля исчезает: «... la passion de Charles n'avait plus rien d'exorbitant. Ses expansions étaient devenues régulières; il l'embrassait à des certaies heures. C'était une habitude parmi les autres». (Flaubert 1974: 84). Несмотря на измену жены, её необъятные растраты, супружеская жизнь не приводит Шарля к душевному краху. Его мир инертен: « ... la clientèle n'arrivait pas. Il demeurait assis pendant de longues heures, sans parler, allait dormir dans son cabinet ou regardait coudre sa femme» (Flaubert 1974: 142). Покорное спокойствие удовлетворяло Шарля. Внешний мир соответствовал его внутреннему миру. Свечи тушили, и он засыпал: «Cependant, comme les bougies l'éblouissaient, il se tournait vers le mur et s'endormait» (Flaubert 1974: 247). Приходя с работы, он находился в том же мире: «Il rentrait tard, ... il mangeait le reste du miroton, épluchait son fromage, croquait une pomme, vidait sa carafe, puis s'allait mettre au lit, se couchait sur le dos et ronflait» (Flaubert 1974: 82). Но внешний мир героя поколебался, и внутренний мир был в смятении, когда он сидел у умирающей Эммы: « ... il sentait tout son être écrouler de désespoir à l'idée qu'il fallait la perdre; et il ne trouvait rien; ne savait pas, il n'osait, l'urgence d'une résolution immédiate achevant de le bouleverser» (Flaubert 1974: 439). «.. il recula devant les preuves, et sa jalousie incertaine se perdit dans l'immensité de son chagrin» (Flaubert 1974: 470). Однако после кончины жены Шарль вновь обретает равновесие между внешним и внутренним миром. Он решает заботиться о дочери Берте: «Une chose étrange, c'est que Bovary, tout en pensant à Emma continuellement, l'oubliait; et il se désespérait à sentir cette image lui échapper de la mémoire au milieu des efforts qu'il faisait pour la retenir» (Flaubert 1974: 474).

Рассмотрение внешнего и внутреннего миров героев обоих романов позволило установить, что оба писателя уделяют особое внимание развёрнутым описаниям их внешнего мира, используя многочисленные сравнения и другие стилистические приёмы, чтобы подчеркнуть особенности внутреннего мира героев. Гончаров, например, когда его герой рассуждает о судьбе, как бы останавливает движение чувства и мысли; внутренний мир приобретает живописную статичность, пластическую выразительность: «Как страшно стало ему, когда вдруг в душе его возникло живое и ясное представление о человеческой судьбе и назначении, и когда мелькнула параллель между этим назначением и собственной его жизнью, когда в голове просыпались...

как птицы, пробуждённые внезапным лучом солнца в дремлющей развалине, разные жизненные вопросы» (Гончаров 1998: 274). Гончаровым представлен текстовый анализ внешних миров микромирами: микромир Обломова дома; микромир в пансионе; микромир на службе. Внутренние миры можно подразделить на микромир со слугой Захаром; Штольцем, Тарантьевым, Алексеевым и другими действующими лицами; микромир Обломова и Ольги Ильинской; микромир Обломова и Агафьи; микромир Обломова и сына Андрея и др.

Флобер выделяет внешние и внутренние микромиры Шарля, в которых он живет и действует. Внешние миры представлены такими микромирами, как: микромир Шарля ранней юности, в пансионе; микромир в доме; микромир профессионального становления; микромир семейных отношений. Внутренние миры: микромир с родителями; микромир Шарля и первой жены; микромир Шарля и второй жены; микромир Шарля и сына и др. Внутренний мир Шарля – преимущественно оценочный, который нередко оказывается расщеплённым — в нём представлены и эмоции, и чувства, и воля, и безволие, и наивность. Внутренние и внешние миры нередко пересекаются и имеют общие сегменты.

Богатый лексический состав в романах Гончарова и Флобера обеспечивает лингвистическую характеристику миров и вызывает определенные представления и ассоциации в сознании читателя, позволяющие ему «войти» в анализируемый мир героев и наглядно изобразить их многомирие. Внешний мир персонажей представляет собой языковую реализацию «квазифактуального» мира, который включает предметы, действия с этими предметами, состояния, события, отношения, факты и т.п. Внешнему миру противопоставлен и в то же время с ним взаимосвязан внутренний мир персонажа. Во внутреннем мире отражается мир сознания персонажа, его отношение к другим героям, эмоции, чувства, переживания, оценки и ценности реального фактуального мира.

Одним из главных отличий в анализируемых произведениях является использование всех видов речи: авторской, персонажной (диалогической и внутренней речи), несобственно-прямой речи. Данный приём позволяет ближе познакомиться с внутренним миром героев двух романов.

Таким образом, показав контуры многомирия, авторами выделяется множество «возможных миров», соответствующих тем или иным ситуациям жизненного пространства героев. Именно ситуация является минимальным ситуативно-языковым микромиром, минимальным коммуникативно значимым фрагментом языковой картины мира.

Проведенное исследование затронуло некоторые аспекты текстового многомирия, изучение которого является новым и перспективным направлением в современной лингвистике.

Библиография

Бахтин М. М. (1979). Эстетика словесного творчества. Москва.

Белянин В. П. (2000), Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе), Москва.

Гончаров И. А. (1988), *Обломов. Роман в четырех частях*, [в:] Полное собрание сочинений и писем в двадиати томах, т. 4, Санкт-Петербург.

Карасик В. И. (2000), О типах дискурса, [в:] Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр., Волгоград.

Метельская Л. Н. (2008), Этнопсихолингвистические особенности восприятия художественного текста на иностранном языке, [в:] Филологические науки в МГИМО: Сборник научных трудов, № 33(48), Москва.

Новикова Н. С., Черемисина Н. В. (2000), *Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира*, «Филологические науки», № 1, Москва.

Пушмина С. А. (2009), Текстовое многомирие и вход в него через ворота дейксиса (на материале сопоставительного анализа текстов произведений Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Дж. Голсуорси «The Forsyte Saga»), 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание: Дис. ... канд. филол. наук, Тюмень.

Самарская Е. Г. (2008), Автобиографическое представление как репрезентант личности персонажа в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук, Краснодар.

Флобер Г. (1981), Госпожа Бовари, Москва.

Flaubert G. (1974), Madame Bovary, Mockba.

Maingueneau D., Charaudeau P. (2002), Discours, [B:] Dictionnaire d'analyse du discours, Seuil,

Maingueneau D. (2004), Le Discours littéraire, Paris.

Rastier F. (1989), Sens et textualité, Paris.

Rastier F. (2001), Arts et sciences du texte, Paris.

Valentina Vladimirova

Text multiverse of an artistic image (on a material of the comparative analysis of I. A. Goncharov's «Oblomov» and G. Flaubert's «Madame Bovary»)

Summary

This research deals with the problems of the comparative description of text multiverse and the language means forming text multiverse of the main characters on the material of I.A. Goncharov's «Oblomov» and G. Flaubert's «Madame Bovary». Multiverse reflects the main characters' conscience, emotions, feelings and values of the real world.